

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят пятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
7 December 2000
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 15-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 24 октября 2000 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Полити ..... (Италия)

Содержание

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (продолжение) (A/55/10)

1. **Г-н Абраам** (Франция) выражает озабоченность по поводу задержки с выпуском доклада Комиссии международного права (A/55/10); хотя наличие документов Комиссии на ее веб-сайте является весьма практичным, все же оно не может заменить их публикацию на всех официальных языках Организации Объединенных Наций. Секретариату следует своевременно информировать государства о любых проблемах, с которыми он сталкивается в этой связи.

2. Что касается вопроса об ответственности государств, то он говорит, что приветствует решение отказаться от концепции международно-противо-правных деяний по международному праву, которые сопоставимы с преступлениями и правонарушениями по уголовному праву (первоначальный проект статьи 19). Он согласен с решением Специального докладчика не останавливаться подробно на проблеме определения первичных норм и надеется, что Комиссия ограничится кодификацией вторичных норм. Он выступает также за включение — хоть и косвенное — в определение потерпевшего государства ссылки на ущерб.

3. Структура проектов статей в целом приемлема; однако Часть первая носит излишне общий характер и поэтому ее можно было бы озаглавить «Деяния, влекущие за собой ответственность государств».

4. Он вновь повторяет возражение его делегации в отношении статьи 40, которая не содержит никакой ссылки на материальный или моральный ущерб государству, возникающий вследствие совершения другим государством международно-противо-правного деяния. Необходимо также провести четкое различие между потерпевшим государством и государствами, которые имеют лишь правовой интерес в выполнении обязательства, и разъяснить причины подобного различия.

5. В проекте статьи 43(а) следует четко указать, что рассматриваемое обязательство имеет двусторонний характер. Недостаточно просто отметить это в комментарии. Его делегация не

согласна с теми членами Комиссии, которые предложили разрешить третьим государствам вмешиваться в случаи, связанные с нарушением двустороннего обязательства, в том случае, если непосредственно потерпевшее государство не желает реагировать на это.

6. В проект статьи 43(б) необходимо включить особое упоминание об ущербе, понесенном «особо потерпевшим» государством, и о том факте, что подобный ущерб может включать в себя тот ущерб, нанесенный в результате нарушения какого-либо обязательства, что негативно сказалось на способности государств пользоваться своими правами или выполнять свои обязательства. Значение слов «международное сообщество в целом» — неясно. Формулировку проекта статьи 41, в которой говорится о «серьезном нарушении государством обязательства, которое оно несет перед международным сообществом в целом и которое необходимо для защиты его основополагающих интересов», следует повторить в статьях 43 и 49. В любом случае его делегация предпочла бы формулировку «международное сообщество государств в целом», использованную в статье 53 Венской конвенции о праве договоров 1969 года. Необходимо установить, являются ли обязательства, вытекающие из формулировки, используемой в статье 41, обязательствами *erga omnes*, как это следует из обсуждений в Комиссии, и что такие обязательства будут включать в себя в контексте проектов статей.

7. Пункт 1 проекта статьи 49 можно было бы улучшить четким признанием того, что упоминаемые в нем государства следует квалифицировать как «потерпевшие» в том плане, что их право на защиту коллективного интереса было нарушено по тому документу, который имеет для них обязательную силу. Предлагаемая формулировка затрудняет проведение различия между потерпевшими государствами и теми государствами, которые имеют лишь правовой интерес. Было бы лучше, если бы пункт 1(а) проекта статьи 49 был сформулирован по аналогии с проектом статьи 43(б) и если бы Специальный докладчик пояснил, что государства, имеющие лишь правовой интерес, могут добиваться прекращения нарушения со стороны другого государства, но не могут требовать возмещения ущерба, вызванного международно-

противоправным деянием, которое не затрагивает их непосредственно. Поэтому следует исключить пункт 2(b).

8. В международном праве произошли существенные изменения со времени первого чтения проектов статей. Статут Международного уголовного суда предусматривает судебное разбирательство и осуждение лиц, виновных в совершении тяжких преступлений, о которых говорится в первоначальной статье 19, и отклоняет любые обоснования утверждения о том, что государство может быть виновным в совершении преступления. Ответственность государства по международному праву является ответственностью *sui generis*; по своему характеру оно не является ни гражданской, ни уголовной. Поэтому он приветствует нынешний подход Комиссии к этому вопросу и призывает ее и далее придерживаться этого же подхода.

9. В проекте статьи 41 содержится ссылка на «серьезное нарушение государством обязательства, которое оно несет перед международным сообществом в целом и которое необходимо для защиты его основополагающих интересов». Хотя эта концепция основана на *jus cogens* и на решении Международного Суда по делу *Barcelona Traction*, точное значение «основополагающих интересов» «международного сообщества» остается неясным. В любом случае основная проблема заключается в последствиях, охватываемых проектом статьи 42; пункты 1 и 2(a) и (b) не решают никакой задачи, а пункт 2(c) является двусмысленным и может поощрять государства к применению возможно излишних контрмер в защиту обязательств, упоминаемых в проекте статьи 41. Если проекты статей 41 и 42 будут сохранены, что маловероятно, то необходимо будет рассмотреть вопрос о том, чтобы поместить их в каком-то другом разделе проекта: возможно, в конце главы III Части первой.

10. Он приветствует решение не увязывать принятие контрмер с обязательным обращением к третейскому суду, что было бы равнозначно предоставлению несущему ответственность государству права на возбуждение арбитражного разбирательства. В общем, проекты статей об ответственности государств должны охватывать лишь возмещение ущерба и прекращение международно-противоправных деяний. Вопрос же о контрмерах Комиссия должна рассмотреть

отдельно. Однако его правительство согласно с замечаниями Специального докладчика о необходимости охвата как пропорциональности, так и прекращения контрмер.

11. Он приветствует решение исключить положения об урегулировании споров; нет необходимости в специальном регулирующем механизме споров, касающихся вопросов ответственности, которые могут быть урегулированы в соответствии с общим международным правом.

12. Хотя его правительство еще не определило своей позиции в отношении окончательной формы проектов статей, он не уверен, что наилучшим решением будет принятие Генеральной Ассамблеей декларации. Конвенция обладала бы большей регулирующей силой и в большей степени соответствовала бы мандату Комиссии по подготовке нормативных документов, а не ориентировочных руководящих принципов. Кроме того, принятие декларации позволило бы ссылаться на нормы, изложенные в проектах статей, часть которых является новаторскими, как на принципы без предварительного включения их в практику государств, что привело бы к проведению международной конференции по рассмотрению их действенности.

13. **Г-н Мирзай-Йенгедже** (Исламская Республика Иран) подчеркивает, что могущественные государства не должны использовать контрмеры в качестве средства принуждения малых стран. В пункт 2 проекта статьи 50 следует включить поправку, чтобы внести ясность в отношении того, что потерпевшее государство не может принимать меры против третьих государств в целях побуждения несущего ответственность государства к выполнению обязательства. Его делегация предпочла бы восстановить формулировку проекта статьи 50(b) при первом чтении, в которой говорится, что потерпевшее государство не должно прибегать — путем принятия контрмер — к «чрезвычайному экономическому или политическому принуждению с целью поставить под угрозу территориальную целостность и политическую независимость государства, совершившего международно-противоправное деяние»; эта формулировка отражает тот язык, который обычно используется в резолюциях Генеральной Ассамблеи, и содержит

принцип, имеющий большую важность для развивающихся государств. Кроме того, он не соглашается с теми, кто считает, что нет необходимости ссылаться на «политическую независимость государства», поскольку это подразумевается в «территориальной целостности»; в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций проводится различие между этими двумя принципами, которые вовсе не заменяют друг друга.

14. Если рассматривать пункт 2 проекта статьи 51 в его нынешнем виде, то можно сделать вывод о том, что он подразумевает, что принятие контрмер может предшествовать использованию процедур урегулирования споров, что позволит могущественным государствам принять контрмеры для навязывания своей воли в отношении выбора подобных процедур.

15. Проект статьи 52 следует упростить; следует исключить ссылку на «тяжесть международно-противоправного деяния», поскольку она предполагает, что государство, принимающее контрмеры, уполномочено устанавливать пропорциональность своего собственного деяния.

16. В проект статьи 53 необходимо внести поправку, с тем чтобы уточнить, что утверждения о международно-противоправном деянии должны быть подтверждены надежными доказательствами до того, как потерпевшее государство примет контрмеры. Необходимо исключить пункт 3 и ссылку на него в пункте 4, поскольку по своему характеру контрмеры являются временными, и потерпевшим государствам не следует давать повода для несоблюдения своего обязательства по направлению уведомления и проведению переговоров в соответствии с пунктом 2.

17. Было бы целесообразнее посвятить отдельную статью существующему пункту 2 проекта статьи 54, как это первоначально предлагал Специальный докладчик, и заявить, что в случае серьезного нарушения существенного обязательства перед международным сообществом в целом принятие контрмер должно координироваться Организацией Объединенных Наций.

18. В идеальном случае проекты статей, к которым следовало бы добавить главу о мирном урегулировании споров, следовало бы принять в качестве конвенции, к которой присоединилось бы

подавляющее большинство государств-членов. Однако подобный подход потребует созыва международной конференции, на которой все статьи были бы рассмотрены и по ним был бы достигнут компромисс, и пройдут годы, прежде чем выработанный в результате таких переговоров документ наберет достаточное количество подписей для вступления в силу. Было бы предпочтительнее, чтобы Генеральная Ассамблея приняла эти проекты статей в качестве декларации; Комиссия могла бы содействовать достижению такой цели путем подготовки сбалансированного документа, в который были бы включены мнения всех государств-членов. Кроме того, подобная декларация не исключала бы возможности выработки в будущем конвенции об ответственности государств. В любом случае после почти 50 лет работы Комиссии следовало бы завершить свою работу над этим проектом в текущем пятилетии.

19. **Г-н Бейкер** (Израиль) говорит, что в своем докладе об ответственности государств Специальный докладчик подверг эту тему четкому и глубокому анализу, что само по себе можно считать важным вкладом в международные исследования в этой области. Многие поправки в тексте проектов статей отражают высказанные в Комитете мнения и попытку более точного соблюдения существующего обычного права, а также действующую практику государств. Этот подход заслуживает высокой оценки, поскольку ответственность государств является частью инфраструктуры международного права, и поэтому необходимо уделить особое внимание скорее кодификации, чем постепенному его развитию. Если новые нормы не будут отражать существующее обычное право, то государства вряд ли поддержат их.

20. Он высказывает оговорки в отношении формулировки проекта статьи 16(b), которая подразумевает, что государство, способствовавшее или оказавшее поддержку нарушению обязательства другим государством, не совершает противоправного деяния в том случае, если это обязательство не имеет для него обязательной силы. Подобная формулировка на практике санкционирует оказание помощи нарушителям в определенных случаях. Было бы предпочтительнее выбрать формулировку проекта статьи 2, принятую

при первом чтении, которая избегает подобного вмешательства. Он высказывает аналогичные оговорки в отношении проектов статей 17 и 18. В проекте статьи 17 подразумевается, что государство может направлять и контролировать другое государство в совершении противоправного деяния в том случае, если подобное деяние само по себе не является противоправным. Создается впечатление, что проект статьи 18 позволяет государству принуждать другое государство к совершению деяния, которое — хотя и не является противоправным для подвергнувшегося принуждению государства — может быть противоправным для принуждающего государства. Он предлагает пересмотреть эти положения.

21. Он выражает сожаление по поводу того, что в статье 20 не было сохранено изъятие в отношении недействительности согласия в случае абсолютных обязательств, что является важным принципом международного права. Что касается видов репарации, то он отмечает, что перечисленные в качестве примеров сатисфакции в пункте 2 статьи 38 возможности обладают одинаковыми признаками, и поэтому было бы целесообразно привести другие примеры, такие, как номинальный ущерб и дисциплинарные или штрафные санкции, с целью более четкого выражения диапазона мер, которые можно использовать в тех случаях, когда сатисфакция представляется необходимой.

22. Что касается вопроса об интересе, в настоящий момент охватываемого статьей 39, то он повторяет высказанное ранее его делегацией мнение о том, что интерес следует рассматривать как неотъемлемую часть компенсации, и в таком случае этот вопрос необходимо включить в существующую статью о компенсации. Кроме того, формулировка о том, что интерес обращается лишь в том случае, «когда это необходимо для обеспечения полной репарации», является излишней, поскольку трудно представить ситуацию, когда интерес не был бы оправданным.

23. Что касается наиболее спорного аспекта проектов статей, касающегося ссылки на ответственность государства иными, чем потерпевшее государство, то он приветствует решение отложить вопрос о различии между преступлениями и правонарушениями и уточнить различие между государствами, непосредственно затронутыми нарушением, и государствами,

заинтересованными в осуществлении обязательства. Подобное изменение необходимо для обеспечения соответствия проектов статей современной государственной практике и обычному праву и для получения ими возможно более широкой поддержки.

24. Тем не менее в статьях не рассматривается вопрос о применении последствий подобного изменения к вопросу о ссылке на ответственность. Определение серьезных нарушений существенных обязательств перед международным сообществом, содержащееся в статье 41, имеет столь общий характер, что возникает опасность злоупотребления им государствами, претендующими на действия в интересах международного сообщества. Аналогичным образом содержащееся в пункте 2(с) статьи 42 обязательство государств сотрудничать, по мере возможности, в деле искоренения подобных нарушений носит слишком широкий характер, не подтверждается международным правом и может нанести ущерб существующим коллективным механизмам, направленным на урегулирование и координацию международной реакции на серьезные нарушения. В таких случаях нецелесообразно и неоправданно навязывать третьим государствам общие и неконкретизированные правовые обязательства.

25. По его мнению, правоспособность заинтересованных государств, в отличие от потерпевших государств, в настоящее время ограничивается их способностью в соответствии с обычным правом призывать к прекращению противоправного поведения и осуществлению репараций в отношении потерпевшего государства. Он не поддерживает ни содержащиеся в пункте 2 статьи 49 идеи о том, что заинтересованные государства могут выступать в качестве доверенных лиц потерпевшего государства в требовании репараций, ни общего положения в статье 54, согласно которому государства могут участвовать в принятии контрмер, поскольку такие положения оказывали бы дестабилизирующее воздействие, создавая параллельный механизм для реагирования на серьезные нарушения, который не обладал бы скоординированными, сбалансированными и коллективными характеристиками существующих механизмов. В этой связи он хотел бы присоединиться к заявлениям, уже высказанным в связи с тем, что такие положения выходят за рамки

существующего права и являются необоснованными.

26. Исключение различия между преступлениями и правонарушениями не ликвидировало разногласий в отношении правовых последствий серьезных нарушений международного права. Наоборот, дискуссии по этим вопросам просто переключились со статьи 19 на те положения, которые касаются ссылки непотерпевших государств на ответственность. Поэтому он рекомендует отложить рассмотрение всех спорных аспектов этого вопроса с целью их отдельного рассмотрения в зависимости от развития международного права и практики путем применения исключаящей оговорки, которая, например, не ограничивала бы целесообразность и не ослабляла бы общую структуру проектов статей. Он также считает, что нынешнее размещение статей по этому вопросу в Части второй и Части второй бис нарушает логичное в прочих отношениях распределение проектов статей. Он поэтому предлагает довести этот вопрос до внимания Редакционного комитета.

27. **Г-н Гупта** (Индия) отмечает, что благодаря неустанным усилиям Специального докладчика Комиссия почти завершила второе чтение проектов статей. Однако ряд вопросов все еще требует тщательного рассмотрения, например ответственность государств за нарушение обязательств *erga omnes* и целесообразность замены проекта статьи 19, утвержденной на первом чтении. Частичное совпадение между нарушением многосторонних обязательств и правовыми последствиями противоправных деяний, а также их связь с Уставом Организации Объединенных Наций тоже требуют внимательного рассмотрения. Он надеется, что при завершении работы над проектами статей Комиссия проведет надлежащее различие между ответственностью государств как таковой и материальной ответственностью за трансграничный ущерб от опасных видов деятельности, за которые основную ответственность несет тот, кто осуществляет такую деятельность.

28. Изменения к проектам статей, рекомендованные Редакционным комитетом в конце его последней сессии, в целом являются приемлемыми. Он надеется, что Комиссия займется дальнейшей проработкой принципа исчерпания

внутренних мер правовой защиты, ссылка на который содержится в новом проекте статьи 45, в контексте ее работы над вопросом дипломатической защиты.

29. Имеют место серьезные злоупотребления вопросом права государств на принятие контрмер. Он бы предпочел полностью исключить этот вопрос из сферы ответственности государств, оставив вопросы, касающиеся подобных мер, на рассмотрение в рамках общего международного права, особенно в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Он приветствует ограничения, введенные на контрмеры, предусмотренные в проектах статей 51, 52 и 53. Контрмеры — не что иное, как санкции под другим названием. Они не должны применяться для наказания государства, и следует постоянно помнить об их гуманитарных последствиях и необходимости защиты гражданского населения от их пагубного воздействия. Пункт 5 проекта статьи 53 остается неясным. По его мнению, контрмеры нельзя принимать, а если они уже приняты, то их следует немедленно приостановить, если прекратилось международно-противоправное деяние или если спор был передан на рассмотрение суда или трибунала, уполномоченного принимать имеющие обязательную силу решения. Кроме того, в проектах статей отсутствует положение, обеспечивающее ненанесение ущерба в результате подобных контрмер другим государствам, нежели тому государству, против которого они направлены.

30. Различия, которые пытались провести между определениями потерпевшего государства, содержащимися в проекте статьи 43 и в проекте статьи 49, вызвали появление в проекте статьи 43(b)(ii) фразы «имеющий такой характер, который затрагивает». Поэтому подразумевается, что в случае неотъемлемых обязательств затрагиваются все государства, а в случае коллективного интереса непосредственно незатронутые государства заинтересованы лишь в выполнении какого-либо обязательства. Подобное различие между двумя категориями государств практически неуловимо, и поэтому его следует пересмотреть, чтобы избежать неоправданного смешения этих понятий или возможного злоупотребления ими. Дальнейшее уточнение требует также различия между «неотъемлемыми обязательствами» и «коллективным интересом».

31. В пункте 2 проекта статьи 31 ущерб определяется в очень широком смысле, поскольку моральный ущерб может включать нематериальный ущерб, а также гражданский вред. Причинная связь между противоправным деянием и нанесенным ущербом определяется первичной нормой, поэтому, чтобы провести различие между непосредственно потерпевшими государствами и другими государствами, необходимо знать факты. Определение ущерба, предусматривающее право государств ссылаться на ответственность другого государства за противоправные деяния, совершенные против коллективного интереса, является новой и развивающейся концепцией в международном праве. Концепция обязательств erga omnes является неопределенной и вызывает сложные проблемы, касающиеся соответствующих правовых интересов и позиции государств в конкретной ситуации. Государства и другие члены международного сообщества практикуют определенную форму создания глобальных объединений, однако это не обязательно равнозначно международному сообществу с его собственными определенными правами. Общее положение, позволяющее более чем одному государству ссылаться на ответственность другого государства в отношении противоправного деяния, может привести к серьезным злоупотреблениям до тех пор, пока не будет определения «коллективных интересов» и методов их осуществления и реализации.

32. Такие же трудности возникают и в связи с проектом статьи 41, которая заменяет бывшую статью 19 и касается концепции «международного преступления». Кроме того, дело самого международного сообщества, действующего через единодушно или почти единодушно принятое решение, в форме, которая предполагает участие всех государств, определить основные обязательства по защите его основополагающих интересов. Он рекомендует исключить проект статьи 41. Ее сохранение может вызвать критику о том, что Комиссия занимается разработкой первичной нормы, выходя таким образом за рамки своего мандата.

33. Согласно пункту 2 проекта статьи 49, любое государство, иное, чем потерпевшее государство, может требовать прекращения международно-противоправного деяния, а также заверений и

гарантий неповторения. Однако не совсем ясно, должны ли действия такого государства определяться реакцией, на которую надеется непосредственно потерпевшее государство, или они должны быть скоординированы с такой реакцией, или может ли первое государство действовать независимо, но в то же время в интересах непосредственно потерпевшего государства.

34. Он может согласиться с трактовкой в Части второй правовых последствий международно-противоправного деяния и различных видов репарации. Однако необходимо пояснить, что последнее не возникает автоматически, а представляет собой в основном имеющиеся в распоряжении потерпевшего государства возможности требовать возмещения ущерба несущим ответственность государством по своему усмотрению.

35. В завершение он подчеркивает, что было бы целесообразно четко заявить, что проекты принципов об ответственности государств являются остаточными по своему характеру и могут использоваться только в том случае, тогда и в такой мере, в какой в первичной норме или в особом режиме, на которые получено согласие соответствующего государства, не были оговорены последствия нарушения обязательства.

36. **Г-н Лавалье Вальдес** (Гватемала) говорит, что проект статьи 2 можно было бы улучшить, включив после слова «когда» фразу «не присутствует ни одно из обстоятельств, исключающих противоправность в соответствии с главой V настоящей Части».

37. Что касается проекта статьи 10, то он считает, что было бы целесообразно восстановить пункты 1 и 2 статьи 14, принятой при первом чтении. В пункте 1 проекта статьи 10 речь идет лишь о повстанческих движениях. Однако похоже, что пункт 2 этой статьи подразумевает, что подобное движение может учредить новое государство на всей территории бывшего государства. Неразумным представляется предположение, что оно может приобрести юрисдикцию над частью, а не над всей территорией государства. Поэтому он предлагает включить слова «или другие» после слова «повстанческие» в пункте 1.

38. В пункте 1 проекта статьи 15 намерение разработчиков будет выражено более четко, если

слова «определенное во всей совокупности в качестве противоправного» заменить словами «которое можно считать во всей совокупности в качестве противоправного».

39. Нормы, содержащиеся в главе IV Части первой, представляются в качестве вторичных норм, однако они в основном являются первичными нормами, и он считает, что было бы лучше исключить эту главу. В любом случае глава IV не полностью охватывает тему, указанную в ее заголовке, поскольку отсутствуют нормы, касающиеся последствий гарантий, данных государством в отношении международных обязательств другого государства. Пункт (b) проекта статьи 16 позволяет государству оказывать помощь другому государству в совершении деяний, которые являются международно-противоправными в отношении последнего государства, но являются правомерными со стороны первого государства. Это не соответствует основным требованиям справедливости. Например, если государство А имеет договорное обязательство в отношении государства В, касающееся разрешения на ввоз определенных товаров на его территорию, но оно вводит запрет на их ввоз в нарушение этого обязательства, его может поддержать путем принятия аналогичного запрета граничащее с ним государство С, которое не имеет такого обязательства, но знает, что запрет является неправомерным в отношении государства А. То же самое можно сказать, *mutatis mutandis*, о пункте (b) проекта статьи 17 и пункте (a) проекта статьи 18. В большинстве случаев принуждение другого государства само по себе является неправомерным, поскольку обычно оно бывает связано с необоснованным вмешательством во внутренние и внешние дела этого государства или подразумевает угрозу применения силы. Поэтому следовало бы еще раз рассмотреть пункт (b) проекта статей 16 и 17 и пункт (a) проекта статьи 18.

40. Он хотел бы включить в проект статьи 21 ссылку на решения, принятые Советом Безопасности в соответствии с главой VII Устава.

41. Глава II Части второй вызывает у него определенные затруднения. Она содержит три проекта статей — 36, 37 и 38, — касающихся трех видов репатриации: реституцию, компенсацию и сатисфакцию. Однако похоже, что в проекте статьи 39 в качестве четвертого вида указывается

выплата процентов. Проект статьи 39 следует включить в качестве пункта 3 проекта статьи 37.

42. Содержащаяся в пункте 1 проекта статьи 49 ссылка на ответственность в соответствии с пунктом 2, находится не на том месте, поскольку пункт 2 предоставляет право, но не навязывает условий. Ссылка должна быть на пункт 3. В пункте 2(b) фраза «в интересах потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства» представляет собой определенный вид *negotiorum gestio*. Однако его, вероятнее всего, следовало бы ограничить случаями, в которых потерпевшее государство не в состоянии осуществить свое право ссылки на ответственность другого государства согласно проекту статьи 49. В пункте 3 статьи 50 слова «возобновление исполнения упомянутого обязательства или обязательств» следует заменить фразой «последующее соблюдение упомянутого обязательства или обязательств», поскольку некоторые обязательства по своему характеру могут быть одномоментными — например выплата определенной суммы денег.

43. Два момента вызывают его озабоченность в связи с главой II Части второй бис. Во-первых, в связи с несбалансированностью экономических и других форм влияния между различными государствами, правомерность принятия контрмер может быть весьма различной и вполне может быть, что эти контрмеры лишь обостряют негативные последствия такого неравенства. Во-вторых, принятие контрмер может серьезно обострить напряженность между государствами — участниками спора. Государство А может принять контрмеры за нарушение международного права, которое оно вменяет государству В, но не демонстрирует это в отношении государства В, а государство В может отклонить вменяемое ему нарушение на том основании, что эти контрмеры являются неправомерными, приняв в свою очередь контрмеры в отношении государства А, которое может отреагировать на это аналогичным образом. Он присоединяется к представителям Объединенной Республики Танзании и Исламской Республики Иран и предпочел бы включить в принятый при первом чтении проект положения, запрещающего применение контрмер, связанных с чрезвычайными мерами политического или экономического принуждения, которые могут

угрожать территориальной целостности или политической независимости государства, подвергающегося подобному принуждению.

44. В проектах статей не решен вопрос «удаленности ущерба». Это упущение можно было бы исправить, однако он сомневается, существуют ли в большинстве случаев первичные нормы, применимые к этому вопросу.

45. **Г-н Янда** (Чешская Республика) говорит, что он приветствует исключение бывшей статьи 19, поскольку его подход почти полностью совпадает с мнением, высказанным представителем Германии. Вместе с тем он не разделяет обеспокоенности, выраженной в связи с принципом неповторения, затрагиваемым в статье 30, и, таким образом, он поддерживает его включение в проект статей об ответственности государств, поскольку этот принцип все еще действует, хотя и в ограниченной степени, в повседневной дипломатической практике. Он также считает, что любые попытки выделения этого принципа в качестве политического заявления или юридического термина представляются более уместными в контексте работы Комиссии по теме односторонних актов.

46. В том что касается ответственности государств, гарантии неповторения оказываются тесно и логически связанными с обязательством прекращения противоправного деяния и могут в определенном контексте служить ясным доказательством того, что государство, совершившее международно-противоправное деяние, признает свое противоправное поведение. Он отдает незначительное предпочтение формулировке текста, предложенной Редакционным комитетом, перед формулировкой, предложенной Специальным докладчиком, поскольку в первой прекращение и неповторение находят отражение как два отдельных понятия. Он польщен тем, что предложенные его делегацией слова «если этого требуют обстоятельства» были включены в статью 30(b), поскольку благодаря этому теперь более четко выражена зависимость концепции от конкретного контекста.

47. Что касается возмещения, то здесь возникают два важнейших вопроса: во-первых, реально ли или оправданно ли добиваться полного возмещения в противовес просто возможному возмещению для

компенсации последствий противоправного деяния и, во-вторых, следует ли подчеркивать приоритетность различных форм возмещения. История доказала, что требование полного возмещения может порой причинить больше вреда, нежели чем принести пользы. Вместе с тем такие ошибки не доказывают и того, что принцип полного возмещения является неправильным. Напротив, сам по себе принцип свободен от недостатков, и нет никаких оснований отходить от него. Концепция полного возмещения, кроме того, непосредственно связана с пунктом 3 бывшей статьи 43, где предусматривается, что возмещение не должно лишать население государства средств существования. По его мнению, эти два подхода нисколько не противоречат друг другу и могут поэтому сосуществовать. Применение же принципа полного возмещения должно быть ограниченным, с тем чтобы обеспечить защиту средств к существованию.

48. Что же касается приоритетности форм возмещения, то совершенно ясно, что важной такой формой является выплата денежной компенсации, тем более что государствам зачастую бывает трудно в политическом отношении возратить экспроприированное имущество, которое к тому же часто бывает предметом споров. Поэтому, по его мнению, реституция по-прежнему сохраняет всю свою значимость как первичное средство возмещения, а компенсация должна служить вторичным инструментом только в тех случаях, когда реституция оказывается практически неосуществимой. Хотя такая последовательность форм возмещения достаточно четко выражена в проекте статей, принятом Редакционным комитетом, норма об очередности должна также найти отражение в правилах пункта 2 статьи 42, согласно которому потерпевшее государство в полной мере компетентно решать вопрос о том, какую избрать форму возмещения. По его мнению, потерпевшее государство должно в первую очередь требовать реституции, если она представляется материально возможной.

49. В том что касается сатисфакции как третьей формы заглаживания вреда, то он с беспокойством отмечает, что в тексте, принятом Редакционным комитетом, отсутствует концепция нематериального или морального ущерба, что было обусловлено желанием учесть ту точку зрения, что в противном

случае применимость сатисфакции была бы слишком узкой и не открывала бы возможностей для права требовать сатисфакции в контексте материального ущерба. Он, однако, убежден, что сатисфакция должна быть специально предусмотрена в качестве формы заглаживания вреда, нематериального по своему характеру. В случае материального ущерба сатисфакция могла бы выступать в качестве дополнительной формы возмещения, сопровождающей реституцию или компенсацию, но она едва ли может служить альтернативой первым двум формам. В случае материального вреда сатисфакция не является соразмерной или достаточной. Поэтому следует сохранить увязку между сатисфакцией и нематериальным ущербом.

50. Наконец, хотя оратор и высказывается за включение концепции смягчения ответственности в проект статей, у него возникают вопросы по поводу юридической точности такого термина, который, на его взгляд, является противоречивым в том смысле, что правовая ответственность либо существует, либо не существует. По его мнению, этот принцип должен быть схожим с понятием смягчающих обстоятельств в том виде, как оно применяется в уголовном праве. Иными словами, в контексте ответственности государств ответственность государства не смягчается, но правовые последствия противоправного деяния могут быть менее строгими или жесткими по отношению к этому государству. Поэтому он предлагает заменить слова «смягчение ответственности государства» словами «смягчение правовых последствий международно-противоправного деяния».

51. **Г-н Ламмерс** (Нидерланды) говорит, что он может согласиться с неупоминанием концепции международного преступления, которая вызвала споры. Ее замена в Части второй проекта главой, посвященной серьезным нарушениям важнейших обязательств перед международным сообществом в целом, представляет собой компромиссное решение, выбор на котором был остановлен, с тем чтобы не нарушить того, что уже было сделано до сих пор. Тем не менее проблема определения все еще существует. Комиссии следует рассмотреть более внимательно концепцию «серьезных нарушений» в проекте статьи 41, с тем чтобы найти наиболее адекватную формулировку. Название главы III должно быть приведено в согласие с

названием проекта статьи 42. Примеры международных преступлений, перечисленные в проекте бывшей статьи 19, были опущены. Об этом можно сожалеть, хотя ему и понятно желание Специального докладчика перенести весь подобный материал в комментарий. Определение «серьезных нарушений» затрагивает также ряд статей в Части второй бис об имплементации ответственности государств, к чему его делегация вернется в своих письменных комментариях.

52. Согласно положениям пункта 2(b) статьи 49, другое государство, помимо потерпевшего, может добиваться от несущего ответственность государства соблюдения обязательства заглаживания вреда в соответствии с главой II Части второй. Однако в случае серьезного нарушения обязательства перед сообществом в целом, разумно было бы ожидать наличия положения, разрешающего подобному государству добиваться соблюдения обязательства по главе III Части второй, а именно заглаживания вреда, отражающего серьезность нарушения, в интересах потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства. У него вызывают сомнения различия, устанавливаемые в проектах статей 42 и 49 между «потерпевшим государством» и «другими государствами, помимо потерпевшего государства». Позволительно было бы утверждать, что все государства являются ущемленными правовыми последствиями серьезного нарушения важного обязательства перед международным сообществом, хотя отдельные из них могут быть затронуты особым образом. В предшествующем варианте проекта статей в случае наличия международного преступления концепция «потерпевшего государства» включала все государства.

53. В связи с исключением понятия «международное преступление» оказались исключенными и конкретные правовые последствия, которые были включены в проект бывшей статьи 52. Из всех подобных последствий им остается лишь «вред, отражающий тяжесть нарушения». Текст должен быть более конкретным. В статью 52 либо в комментарий должно быть включено положение о том, что «серьезные нарушения» требуют заглаживания вреда, выходящего за рамки материальных потерь, понесенных вследствие нарушения.

54. **Г-н Клингенберг** (Дания), выступая от имени стран Северной Европы, говорит, что он придает огромное значение успешному завершению монументального труда, который представляют собой проекты статей об ответственности государств. Говоря в целом, он весьма удовлетворен согласованным проектом статей, принятым во втором чтении, который представляет собой существенное улучшение по сравнению с теми статьями, которые были приняты в первом чтении в 1996 году. Несмотря на необходимость внесения в них дополнительных изменений, они в общем и целом заслуживают того, чтобы быть принятыми в качестве обладающей юридической силой конвенции.

55. Он поддерживает новую структуру проекта статей, предусматривающую разделение их на четыре части, Часть первая которого не вызывает серьезных трудностей, хотя разумность введения определения «знание обстоятельств» в статьях 16–18 представляется сомнительной с учетом того обстоятельства, что это определение не фигурирует в качестве конкретно упомянутого требования в статье 2, касающейся элементов международно-противоправного деяния. У него также имеются отдельные идеи относительно рационализации формулировок статей 4 и 9, на чем он детально остановится в другой раз.

56. Главы I и II Части второй проекта статей представляются особенно ясными, четкими и добротнo сконструированными, тогда как глава III является приемлемым компромиссом, разрешающим ранее возникавшую проблему различия между правонарушениями и преступлениями. В этом отношении главным является то, что такие нарушения, как агрессия или геноцид, представляют собой настолько серьезный вызов международному сообществу в целом, что чрезвычайно важно отличать их от других нарушений.

57. Новая Часть вторая бис также представляет собой несомненное улучшение по сравнению с предшествующими вариантами проекта, и, в частности, не вызывает возражений глава I. Вызывающая некоторые сомнения статья 49, предусматривающая возможность ссылки на ответственность другими государствами, помимо потерпевшего государства, является приемлемой для стран Северной Европы, которые считают ее

необходимой в контексте положений, касающихся серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом.

58. В главе II содержатся все необходимые элементы, позволяющие урегулировать сложную проблему контрмер, которая совершенно справедливо рассматривается в контексте имплементации ответственности государства, а не в контексте обстоятельств, исключающих противоправность. Хотя у него и вызывает удовлетворение то обстоятельство, что в пункте 1 статьи 50 запрещены карательные меры, по его мнению, тем не менее, чрезвычайно важно ввести надежные гарантии против возможных злоупотреблений контрмерами. Чрезвычайно важно помнить также о более выгодном положении могущественных государств, которые зачастую оказываются единственными государствами, обладающими средствами, позволяющими им прибегать к использованию контрмер для защиты своих интересов.

59. Отмечая, что в проекте статей в его нынешнем виде, судя по всему, отдается предпочтение применению контрмер, он заявляет, что предпочел бы, чтобы положение, содержащееся в пункте 5(b) статьи 53 о последствиях имеющих обязательную силу процедур урегулирования в вопросах принятия контрмер, фигурировало в отдельной статье, помещаемой непосредственно после статьи 50. Он убежден, что оснований для применения контрмер не имеется в тех случаях, когда существует обязательная процедура урегулирования спора, за исключением тех случаев, когда применению этой процедуры препятствует другая сторона и когда контрмеры являются срочными и необходимыми для защиты интересов этой стороны в том случае, если спор не был передан на рассмотрение учреждения, компетентного выносить решения, которые могли бы защитить такие интересы. В этих условиях пункт 2 статьи 51 может оказаться излишним. Он предпочел бы также отразить в статье 52 в более рельефной форме отрицающий подход путем замены слов «быть соизмеримыми» словами «не быть непропорциональными», а также опустить последнюю фразу указанного правила. Наконец, он заявляет, что четыре исключающие оговорки, содержащиеся в Части четвертой проекта статей, приемлемы для стран Северной Европы.

60. **Г-н Скелемани** (Ботсвана) говорит, что из выступлений по теме ответственности государств вытекает, что почти все делегации придерживаются того мнения, что нормы международного права, регулирующие ответственность государств, нуждаются в уточнении. Комиссия проделала качественную работу с этой целью, даже если отдельные аспекты все еще могут быть улучшены. Поэтому проект статей следует принять в виде, который демонстрировал бы, что Организация Объединенных Наций считает проект действенным компромиссом. В окончательном виде документ должен обладать обязательной силой и восприниматься как кодификация действующего международного права в данной области.

61. Переходя к конкретным вопросам, он говорит, что, по его мнению, неясно, является ли название проекта статьи 49 безоговорочно правильным. Нормы права в целом должны удерживать государства, которым не было причинено вреда, от вмешательства в спор и раздувания его более энергично, нежели чем это могло бы позволить себе потерпевшее государство. В его понимании государство, о котором говорится в пункте 1 статьи 49, является потерпевшим в том смысле, что нарушенное обязательство защищает коллективные интересы или интересы международного сообщества. Однако в этой ситуации ни одно из государств не должно без согласования с по меньшей мере значительным числом других заинтересованных государств ссылаться на ответственность другого государства. Проект статьи 43 надлежащим образом охватывает положение потерпевшего государства, и нет никакой необходимости в том, чтобы это государство предпринимало односторонние меры, если его интересы были затронуты в той же степени, что и интересы других государств.

62. В тех случаях, когда ущемлены интересы какого-либо государства, оно захочет защитить их, и ему должно быть позволено сделать это. Однако проекты статей 23 и 50–55, очевидно, представляют собой попытку ограничить право действовать в порядке осуществления права на самозащиту. Возможно, что Комиссия находится на правильном пути, пытаясь регулировать или ограничить применение контрмер, но с точки зрения права самозащиты контрмеры не могут быть полностью запрещены. Он поддерживает предложение

представителя Объединенной Республики Танзании, согласно которому целесообразно было бы включить перечень запрещенных контрмер.

63. Еще одна более очевидная проблема заключается в том, что заинтересованное государство, даже если оно и не является непосредственно потерпевшим, может принимать контрмеры, даже не консультируясь на эту тему с затронутыми государствами. С этой точки зрения сфера применения проекта статьи 54 представляется слишком широкой. Она открывает возможность злоупотребления могущественными государствами своей силой против более слабых государств, которых они могут особенно недолго любить по совершенно иным причинам. Роль одного международного полицейского государства должна находиться под контролем. Следует избегать возникновения ситуаций, когда какое-либо государство становится и судьей, и коллегией присяжных.

64. **Г-н Басабе** (Аргентина) говорит, что работа Комиссии по теме ответственности государств представляет собой важную веху в процессе кодификации международного права. Установление различия между первичными и вторичными нормами позволило преодолеть широкий круг разнообразных теоретических и практических препятствий. В его окончательном виде этот документ следует, быть может, принять в качестве конвенции, если это будет приемлемо для большинства государств, хотя правительство его страны могло бы также поддержать вариант принятия его в качестве декларации в рамках резолюции Генеральной Ассамблеи на какой-то срок. Вместе с тем конвенция, даже и не ставшая универсальной по составу участников, как правило, имеет более важное значение, чем декларация, поскольку опасность с декларациями состоит в том, что они предаются забвению. Однако, учитывая важность и качество проделанной Комиссией работы, едва ли существует опасность того, что такая судьба постигнет проект статей об ответственности государств.

65. Авторам проекта текста удалось удовлетворительным образом разрешить проблемы, возникающие с двумя вызывающими наибольшие споры аспектами данной темы. Полезным оказался отказ от использования выражения «государственные преступления», которое могло бы

вызвать концептуальную путаницу в такой области, где необходимо соблюдать осторожность. Его делегация по-прежнему считает, тем не менее, что должна быть выделена специальная категория особенно серьезных нарушений государством своих обязательств перед международным сообществом в целом. Важно одновременно предусмотреть дифференцированную шкалу ответственности, определяемой серьезностью противоправного деяния, и должным образом отразить существование такой шкалы в проекте статей. Комиссия блестяще справилась с задачей реализации обеих этих целей, не допустив перегрузки текста. Отрадно также, что Комиссия признала необходимость проведения различия между потерпевшим государством и другим государством, определенным образом затронутым конкретной ситуацией, как тому и следовало бы, по мнению его делегации, быть. В проекте статьи 49 предусматриваются ситуации, когда другое государство, помимо потерпевшего, имеет право ссылаться на ответственность другого государства, а также указана процедура, которой необходимо следовать с этой целью.

66. В том что касается контрмер, то его делегация считает, что к ним следует прибегать только в исключительных обстоятельствах с должным учетом складывающейся ситуации внутри международного сообщества и с крайним тщанием поддерживать равновесие между необходимостью принятия контрмер и необходимостью не допустить злоупотребления ими. В этом отношении в главе II Части второй бис устанавливаются необходимые ограничения и условия. Правила, регулирующие коллективные контрмеры, должны быть еще более строгими, нежели те, что регулируют двусторонние контрмеры. Предлагаемые в проекте статей правила являются приемлемыми в том смысле, что они устанавливают разумные ограничения.

67. Другие замечания или просьбы об уточнениях будут направлены непосредственно Комиссии, которая в целом подготовила превосходный свод правил по ответственности государств.

68. **Г-н Хоффман** (Южная Африка), выступая от имени Сообщества по вопросам развития стран юга Африки (САДК), прежде всего останавливается на самой последней из рассматриваемых Комиссией тем — теме дипломатической защиты. Комиссия правильно решила, что применение силы для

защиты граждан, находящихся за границей, выпадает за рамки этой темы, охватывающей лишь мирные процедуры защиты граждан. Она поступила правильно и приняв решение о том, что практика государств не поддерживает норму, обязывающую государства осуществлять дипломатическую защиту своих граждан, даже если они и должны действовать более активно в вопросах защиты прав человека своих граждан за рубежом. Дипломатическая защита находит широкое отражение в практике государств, прецедентном праве и научных работах. Предпринимались также и попытки кодификации.

69. Тем не менее ситуация является в сильной степени неопределенной, в том что касается норм, регулирующих приемлемость исков. Специальный докладчик пока что сосредоточил внимание на вопросах гражданства, и в частности на защите лиц, имеющих двойное и множественное гражданство. Вынесенное Международным Судом в 1955 году решение по делу *Ноттебома* подняло больше вопросов, нежели чем нашло ответов. Если государствам и не должно быть разрешено осуществлять дипломатическую защиту лиц, приобретших их гражданство обманным или ненадлежащим путем, решение по делу *Ноттебома* заходит слишком далеко, предполагая, что всегда должна существовать эффективная и подлинная связь между гражданином и защищающим государством. В результате у многих людей, приобретших гражданство по рождению, происхождению или в порядке надлежащей натурализации, но в течение многих лет проживающих за пределами государства своего гражданства, не останется государства, которое было бы в состоянии осуществить их дипломатическую защиту. Особая проблема возникает с лицами, имеющими двойное гражданство. Если и нет никаких возражений против того, чтобы любое государство из тех, гражданином которых является данное лицо, защищало этого человека от третьего государства, трудности возникают, когда одно из государств, гражданином которого является лицо, имеет намерение предъявить требование о заглаживании вреда, причиненного данному лицу другим государством, гражданином которого оно является.

70. Традиционно государство оказывается не в состоянии защитить лицо от другого государства в

подобных обстоятельствах. Однако после вынесения решения по делу *Ноттебома* положение, судя по всему, изменилось, и суды подтверждали право государства, с которым у данного лица имеется наиболее эффективная связь, предъявить в порядке дипломатической защиты иск другому государству, гражданином которого является это лицо, но с которым у него менее прочные связи. Складывающаяся таким образом ситуация требует осторожного подхода, особенно в тех случаях, когда потерпевшее лицо пользуется специальными привилегиями в защищающем государстве по причине его гражданства. С другой стороны, трудно отказать в праве дипломатической защиты в тех случаях, когда защищающее государство по закону запрещает лицу отказываться от своего гражданства и это лицо поддерживает эффективную связь с новым государством своего гражданства. Такие коллидирующие соображения должны быть тщательно взвешены и сбалансированы при формулировании какой бы то ни было нормы.

71. Комиссия в известной степени поддержала норму, разрешающую государству, в котором лицо без гражданства или беженец законно и привычно проживает, осуществлять дипломатическую защиту такого лица. Такое положение согласуется с последними проявлениями судебной практики в области прав человека, однако при этом должно быть совершенно четко разъяснено, что государство проживания не несет обязанности по обеспечению такой защиты, поскольку это может удерживать государство от предоставления убежища беженцам и лицам без гражданства. Дипломатическая защита тесно связана с темой ответственности государств, поэтому вполне уместно, что Комиссия должна обратить свое внимание на дипломатическую защиту.

72. И напротив, существует слишком мало судебных решений или проявлений практики государств в отношении темы односторонних действий государств. Между тем — это важная тема. Государствам следует с более высокой степенью готовности раскрывать особенности своей государственной практики, ибо в противном случае Специальному докладчику будет трудно оценить ожидания государств. Кроме того, эта тема может стать предметом, в котором прогрессивное развитие на основе общих принципов права может сыграть

более важную роль, чем кодификация. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года служит полезной основой для работы по теме односторонних актов, однако Комиссия не должна находиться под чрезмерным влиянием Конвенции, учитывая существование важных различий между международными договорами и односторонними актами. САДК поддерживает содержащиеся в пункте 621(a), (b) и (c) доклада рекомендации относительно дальнейшей работы по этой теме.

73. В том что касается темы оговорок к международным договорам, то, по его словам, положения Венской конвенции закладывают основу для разработки права, регулирующего применения оговорок, но оставляют многие вопросы без ответов. Подготавливаемые Комиссией руководящие указания с соответствующими комментариями могли бы принести существенную пользу государствам. Руководящие принципы, касающиеся проведения различий между оговорками и заявлениями о толковании, представляются особенно полезными, поскольку на практике государства зачастую прибегают к обоим этим средствам, с тем чтобы ограничить свои обязательства по договору. Кроме того, руководящие принципы информируют о процедурах, которым надлежит следовать с целью достижения тех же результатов, что и при высказывании оговорок. В этом отношении особенно ценным представляется проект руководящего принципа 1.7, касающегося альтернатив оговоркам и заявлениям о толковании. Особые проблемы связаны с поздними оговорками. Предложения Специального докладчика, в которых наряду с признанием того, что данный принцип не является абсолютным, учитывается и традиционная точка зрения, согласно которой оговорка не может быть сделана после того, как государство выразило свое согласие считать себя связанным договором, представляют собой смесь здравого смысла и гибкости.

74. Ведущийся в настоящее время спор относительно компетенции договорных органов по правам человека разрешать вопрос о совместимости оговорки с предметом и целью договора при том, что договорные органы придерживаются одной позиции, а Комиссия и ряд государств другой, следует разрешить как можно скорее. Поэтому

можно только приветствовать предложение Специального докладчика о том, что Комиссии следует рассмотреть этот вопрос в 2001 году. Найдя вариант урегулирования, согласующего несовпадающие точки зрения, Комиссия оказала бы неоценимую услугу международному сообществу.

75. Что же касается проекта статей о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности), то Специальный докладчик избрал правильный подход: проект статей не следует подвергать существенному пересмотру, поскольку государства уже высказались в поддержку разрабатываемого текста, принятого в первом чтении. Специальный докладчик совершенно правильно предпочел сохранить слова «надлежащие меры» в статье 3, а не выражение «должная осмотрительность», которая отличается особой неясностью. Кроме того, поскольку проект статей призван разработать принципы урегулирования риска, проект статьи 1 следует сохранить, поскольку в нем четко заявляется, что проект статей применяется к не запрещенным международным правом видам деятельности.

76. Наконец, САДК предлагает для рассмотрения следующие темы при условии, что Комиссия завершит рассмотрение во втором чтении проекта статей об ответственности государств к концу своей сессии 2001 года: ответственность международных организаций, т.е. тема, которая логически вытекает из темы ответственности государств; последствия вооруженных конфликтов для соблюдения международных договоров — особенно уместная тема, учитывая продолжающийся конфликт в районе Великих озер и других частях Африки; высылка иностранцев — тема, которая дополнит изучение дипломатической защиты; и дополнительная тема о правовых аспектах коррупции и смежной практики.

Заседание закрывается в 12 ч. 30 м.